Консультирование в этнокультурном и духовном контексте клиента (разбор случая)

Р.Х. Ганиева^{1а}

¹Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева,
г. Магас, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Резюме: Данная статья является составной частью серии статей, в которых на примере конкретного кейса детско-родительских отношений показана положительная динамика психологической работы, опирающейся на ингушскую культуру и религиозные ценности. В первой статье серии «Мультикультурный подход в психологическом консультировании: этнорелигиозный аспект (разбор случая)» [5] на примере отношений отца и дочери нами было описано содержание процесса психологического консультирования, выполненного с учетом этнокультурных и духовных особенностей клиента. Результаты исследования показали, что мультикультурная компетентность терапевта обеспечивает ему не только высокий уровень доверия клиента, но и профессиональный подход, базирующийся на использовании в терапевтической работе этнорелигиозных ресурсов. В данной статье раскрывается процесс культурно-ориентированного консультирования на примере отношений отца и сына.

Ключевые слова: психологическое консультирование; культурный и духовный контекст; этническая и религиозная идентичность; детско-родительские отношения; физическое и эмоциональное насилие; логоневроз; агрессия; арт-терапия

Для цитирования: Ганиева Р.Х. Консультирование в этнокультурном и духовном контексте клиента (разбор случая). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(3):703-726
DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-3-703-726

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 License.

Consulting in the client's ethno cultural and spiritual context (case analysis)

R.H. Ganieva^{1a}

¹*Ingush research institute of Humanities named after Ch. Ahriev, Magas, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Abstract: This article is a part of a series of articles that shows positive dynamics of psychological work based on Ingush culture and it describes religious values based on child-parent relations as an example of a specific case. In the first article of the series «Multicultural approach in psychological counseling: ethical and religious aspect (analysis of the case)» using father-daughter relationship as an example, we described the psychological counseling process content, which was performed taking into account ethnocultural and spiritual characteristics of a client. The results of the study display that the multicultural competence of the therapist provides a high level of client confidence and denotes his or her professional approach to a case based on the use of ethno-religious resources in therapy. This article describes the process of culturally oriented counseling on the example of a father-son relationship.

Keywords: psychological counseling; cultural and spiritual context; ethnic and religious identity; child-parent relationships; physical and emotional violence; logoneurosis; aggression; art therapy

For citation: Ganieva R.H. Consulting in the client's ethno cultural and spiritual context (case analysis). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(3):703-726 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-3-703-726

Введение

С античных времен в мировом пространстве Кавказ является важным регионом в культурном и духовном плане. Это не Восток и не Запад, не Европа и не Азия, а «особая горская цивилизация» [1, с. 177]. В настоящее время Кавказу присущи определенные противоречия между современным и традиционным образами жизни. «Здесь традиции не только не отвергаются, но становятся еще более значимыми; религиозный компонент социокультурного пространства не только не находится в состоянии кризиса, но его значение возрастает с каждым годом; коллективные формы идентичности не только не распадаются, но происходит их упрочение» [2, с. 222]. И в мировой практике в целом, и в северокавказском регионе в частности в настоящее время осуществляется взаимодействие традиционности и модернизации, достаточно

убедительно изученных и описанных в работах Б. Ерасова [3]. С точки зрения исследователя, в результате столкновения модернизма и традиционализма наблюдается деформация традиционных конструктов и кризис традиционной культуры под давлением суррогатной модернизации, вызывающей в ответ недовольство и сопротивление.

При этом традиционные общественные институты не только не разрушаются, но, наоборот, еще больше локализуются. Реальная угроза утраты национально-культурных особенностей подтолкнула народы Северного Кавказа к тому, что они с еще большим рвением стали презентовать свою уникальность, самобытность, неповторимость и связь со своей многовековой историей. «... Самобытность в сочетании с принципом эндогенности стали ключевым началом для выявления сущности тех процессов, которые развертываются в ходе модернизации, для оценки их адекватности и перспектив» [3, с. 379].

Автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций С. Хантингтон пишет, что «изначально модернизация и вестернизация тесно связаны, и незападные общества, впитывая значительные элементы западной культуры, достигают прогресса на пути к модернизации», но все же «с увеличением темпов модернизации удельный вес вестернизации снижается и происходит возрождение местных культур» [4, с. 107]. Столь непредсказуемый эффект модернизации, который направлен не на снижение индекса традиционности, а на ее усиление, рассматривается как идеальное воплощение исторической реальности, и считается, что более продолжительное развитие истории наполнит большими депрессивными составляющими содержательную часть традиционности.

Уничтожение национальных приоритетов приводит к ликвидации морально-нравственных ценностей, развитию в социуме деструктивных настроений, распространению безответственности и насилия. Только богатое этнокультурное наследие может противостоять негативным процессам глобализации. По мнению И.М. Сампиева, «...есть серия различных модернизаций, и для каждой культуры модернизация, как способ совладания с вызовами современности, уникальна» [1, с. 177]. Естественно, чтобы добиться успеха, недостаточно опираться только на культурные приоритеты и народное достояние, «но они есть необходимое условие, без чего нет шанса на успех» [1, с. 177].

В предыдущей статье [5] мы показали, что в психологическом консультировании имеет огромное значение учет этнической и религиозной специ-

фики клиента, т.е. плодотворная психотерапевтическая работа специалиста опирается на этнокультурные и религиозные ресурсы клиента и не противоречит им. Оказание психологической помощи должно учитывать базовые ценности клиента и опираться на те источники в его собственной культуре, которые могут стать ресурсом для этого человека. При такой синергии, когда терапевт и клиент придерживаются одних этнокультурных и религиозных взглядов, понимают друг друга, процесс оказания психологической помощи бывает наиболее полноценным. Подобная совместная работа приводит не только к решению проблемы личности, но и становится источником духовного роста верующего человека, его большей осознанности и саморазвития.

Случай из практики

По рекомендации моего коллеги на консультацию пришел молодой человек Мовсар из числа среднего медицинского персонала системы здравоохранения республики. На тот момент ему было 20 лет. Он четко обозначил свой запрос для психотерапии и подробно рассказал историю своей жизни. *Большую часть своей жизни парень с родителями прожил за пределами Ингушетии, там же получил первое медицинское образование. Мовсар был подростком, когда его родители развелись. Тогда мать взяла трехлетнюю дочь и уехала на Кавказ к своим родителям. Сыновья (Мовсар и его старший брат) остались с отцом. Это был строгий, авторитарный человек, в прошлом сотрудник МВД, воспитывавший своих сыновей в духе военной муштры. В большей степени мальчик был один: отец уходил пить или приглашал к себе свою компанию. Брат жил со своей сокурсницей в студенческом общежитии. Отец сердился на старшего сына и наказывал младшего. Со слов клиента стало известно, что его спина не отходила от синяков, она всегда была практически фиолетового цвета. «Когда отец избивал меня, я выходил на улицу, смотрел на небо и просил Всевышнего, чтобы когда-нибудь это закончилось», – говорит Мовсар. Затем он показал свои руки и добавил: «У меня все пальцы сломаны, шлангом бил, говорил: «Выпрямляй свой почерк». Мовсар сильно заикается с 1-го класса. «Я не мог ни слова произнести» ...*

За невыносимые условия жизни много раз мальчика посещала мысль убить отца, он даже нож специально для этого наточил. Но каждый раз не решался, так как не был уверен в том, что отец крепко заснул.

Отец постоянно настраивал детей против матери, все время повторял, что она их бросила.

Три года назад он отправил сына учиться к бабушке. В это же время к ней приехала и его сестра. Через некоторое время она ушла к своей матери и забрала с собой Мовсара.

Из анамнеза: За убийство отец Мовсара провел в местах лишения свободы шесть лет. В настоящее время он требует от сына N-ую сумму денег, долю в своем доме или документы от нотариуса об отказе от имущества.

Целый час рассказывал Мовсар историю своей жизни и внезапно замолчал. Специалисты, работающие с жертвами насилия [6], отмечают, что важно отличать вынужденное молчание от добровольного. Зная, насколько тяжелой для нас обоих может быть эта пауза, я призналась Мовсару, что потрясена этой историей, и выразила свою надежду на нашу плодотворную совместную работу. Мое признание позволило ему справиться с тревогой. Молодой человек произнес: «Вы не расстраивайтесь! Я уже привык».

Проявляя в детстве заботу о родных и близких, Мовсар, вероятно, лишился способности обращать внимание на свое собственное психологическое благополучие. Не случайно парень выбрал работу в красной зоне системы здравоохранения, а затем и профессию психолога. Мовсар смирился с чувством безвыходности и разочарования [7] и воспринимал себя в любой ситуации только в качестве жертвы. Дети, пережившие психотравму, как правило, подавляют свои потребности, и это значит, что они, выросшие, плачут на приеме у психолога, вспоминая отца, испытывая ненависть к нему, ощущая свое бессилие перед ним, уже состарившиеся.

У Мовсара никогда не было защиты. Мир для мальчика всегда был предельно опасным и угрожающим. Опасным был самый близкий человек – отец. С первой нашей встречи настало время проработать синдром спасателя, вечной незащищенности, перманентного страдания, который сопровождал молодого человека с малых лет. Чтобы сформировать новую парадигму жизни, Мовсару надо было пережить все, что он чувствовал на бумаге, холсте, в мастерской, в кабинете психолога. Необходимо было продолжить жить, чтобы действительно остаться живым.

Дж. Херман [8], изучив травматический опыт жертв насилия, отметил, что им свойственно сдерживать собственную инициативность, которая

впоследствии становится причиной неуверенности человека в персональной компетентности.

Даже тогда, когда отец бьет мальчика, ребенок мечтает о том, чтобы родитель любил его. И этой любви «... следует быть терпеливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитарной. Она должна давать ребенку всевозрастающее чувство собственной силы и, наконец, позволить ему выглядеть авторитетным в собственных глазах, освободившись от авторитета отца» [9, с. 136].

Диагностика и клиническая беседа показали, что у Мовсара нарушенные взаимоотношения с отцом и старшим братом, страхи, повышенная тревожность, низкая самооценка, неуверенность, потребность в эмоциональной поддержке родных и близких, логоневроз, ПТСР.

Мовсар много лет страдал от физического и эмоционального насилия отца. Чувство вины, безысходности, отчаяния, уныния, связанные с пережитым деспотизмом, были веской преградой для нашей терапевтической работы с клиентом и требовали от специалиста предельной осторожности и такта по отношению к его эмоциональной сфере. Анализ профессиональной литературы и признания жертв насилия подтверждают эту закономерность [10, 11, 12, 13, 14]. Острые семейные конфликты в семье Мовсара сопровождались синдромом отчуждения родителя (PAS, Parental Alienation Syndrome). Наш клиент, будучи отдаленным от матери, проявлял к ней ненависть, гнев, агрессию, потому что алиенатор формировал у мальчика негативный образ матери. Подобное отчуждение всегда сопровождается запугиванием, программированием детей. Этот феномен называется психологическим индуцированием ребенка и является одним из ключевых симптомов PAS (Parental Alienation Syndrome). Мальчик повторял слова и выражения отца, дублировал модели родительской агрессии и выражал желание никогда не встречаться с матерью. В то же время подросток переживал конфликт лояльности, который выражался как в психосоматическом проявлении (невроз), так и в виде психологических реакций (школьная неуспеваемость, суицидальные тенденции, скованность, неуверенность). У Мовсара была вытеснена эмоциональная связь с матерью, разрушен опыт полного слияния с самым первым в жизни человеком. Мальчик был лишен чувства защиты и безопасности, безусловной любви и принятия, а в качестве компенсации и возможности для выживания ему была предложена ненависть и отрицание отчужденной матери. К сожалению,

проблема семейного киднеппинга крайне актуальна в современном обществе и к тому же еще не сформулирована.

Для матери была характерна забота и влияние на судьбу сына, а с другой стороны – уходы из дома, которые вселяли в сына сильный страх и тревогу. Отношения с отцом Мовсар чувствовал как дистанцированные и больше угрожающие, так как в периоды его запоя он осуждал его за прерывание детско-материнских отношений. Такое поведение отца могло активизировать проявление привязанности к матери и желание физической и эмоциональной близости с ней. Однако мать была для Мовсара недоступна, и при переживании крайне сильного страха удовлетворить базовую потребность в привязанности мальчику было невозможно [15]. А нарушение привязанности – всегда травмирующая ситуация.

Вероятно, мать Мовсара сама подвергалась со стороны своего отца издевательствам, поэтому иметь мужа-алкоголика было для нее долгое время явлением нормальным и привычным.

«В подростковом возрасте мои прежде нейтральные, а иногда и противоречивые чувства к отцу переросли в жгучую ненависть. Я его не просто больше не любил. Мне было отвратительно все - и он сам, и его поведение, - в общем, я страшно его возненавидел. Я не мог никого пригласить к себе домой. Занятия в медицинском колледже заканчивались в обед, иногда после обеда, но я ехал домой поздно вечером на последнем автобусе. Дома было невыносимо. Никто, за исключением ближайших соседей, не знал, что мой отец пьет. Я никогда не мог предугадать, какое действие совершит этот безумец. Меня ни на мгновение не покидал страх, что в любой момент он перестреляет нас. Я полностью отстранился от него и решил стать полной его противоположностью - всегда, когда мог это осознать», – с сильнейшим заиканием рассказывал на одной из консультаций Мовсар.

Психосоматика заикания заключается в том, что мозг получает одновременно два совершенно противоположных послания «говори» и «молчи». Если ребенка в семье игнорируют, подавляют, он начинает думать о том, как ему лучше поступить, стоит ли произносить слова и предложения, выслушают ли его взрослые или нет. Но жизнь устроена так, что говорить все-таки надо, невозможно все время безмолвствовать. Авторитарный отец не позволял ребенку проявить себя. Мальчик начинал разговаривать и сразу же останавливал себя, прерывал себя сам.

Можно привести множество примеров психосоматики заикания. Зависший над ребенком конфликт: «можно сказать – нельзя сказать», «я сказал то, что не должен был говорить, и теперь я уверен, что лучше молчать», «говорить нельзя – говорить нужно». Такой внутриличностный конфликт приводит к заиканию. Если к заиканию привела какая-то одна ситуация, то терапевт вместе с клиентом прорабатывают именно это. А в данном случае речь шла о жизни человека в целом. И поэтому мы должны были трансформировать установки, принципы, убеждения, модели поведения клиента.

Как только Мовсар понял, что вопреки всему он имеет право говорить, как только он осознал, что ему придется отвечать за последствия своего выбора, его речь стала более плавной и свободной. Мовсар усвоил, что и в нем самом присутствует властность, которая с каждым разом все больше и больше пытается проявиться. В связи с этим мы несколько раз выполнили с ним психодраматическую технику «пустого стула» из области гештальт-терапии. Мовсар сыграл роль сына, роль отца и роль брата и пришел к выводу, что властность имеет конструктивный заряд и может быть источником личностного и гендерного самоутверждения. Это примирило его с теми, кого он считал властными, агрессивными и непримиримыми. В качестве еще одного ресурса коррекции заикания была выбрана дыхательная гимнастика А.Н. Стрельниковой¹, которая обеспечила молодому человеку правильное дыхание и способствовала изменению отношения к себе.

Страх перед отцом сковывал произвольность, естественность молодого человека и мешал ему получать удовольствие от нашей совместной работы. Хотя шаг за шагом он развивал в себе способность совладать со своими сильными чувствами.

Взрослые дети алкоголиков – это отдельная тема в психологии зависимости. Очень часто во взрослой жизни жертвы алкоголизма пытаются преодолеть проблемы, являющиеся последствиями их детства и отрочества. Во-первых, им присуща низкая самооценка. Во-вторых, родные и близкие зависимых людей не в состоянии правильно расставить приоритеты. «Даже когда дети считают, что что-то можно сделать и добиться изменений, и выражают свое недовольство родителями, модель пассивности остается врезавшейся в их сознание и будет прослеживаться при решении проблем в их уже взро-

¹ Центр дыхательной гимнастики А.Н. Стрельниковой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://strelnikova.ru/> (дата обращения: 10.03.2020).

слой жизни» [16, с. 7]. В-третьих, они – жертвы обстоятельств, не способные контролировать свою жизнь. В-четвертых, взрослые дети страдающих алкоголизмом не способны выражать свои чувства. Скованность, отчужденность, недоверчивость лишают их контакта со своей самостью. Взрослые дети алкоголиков помогают и поддерживают окружающих людей, однако сами обычно не в состоянии справиться со своими собственными переживаниями. В-пятых, они не обладают способностью обратиться к кому-то за помощью [16].

Поскольку арт-терапия имеет явные достоинства в работе с клиентами, испытывающими проблемы в вербализации своих чувств и переживаний, она была использована для помощи Мовсару и возвращения целостности его личности. К тому же многолетний опыт показывает, что для таких клиентов творческая деятельность является красноречивым и выразительным «языком», в отличие от обычных слов и предложений.

Для того чтобы оценить эмоциональное состояние клиента в данный момент, его психологические проблемы, определить творческий ресурс, исследовать присущие ему стратегии преодоления стресса, я предложила выполнить тест Р. Сильвер «Нарисуй историю» [17, 18, 19, 20, 21]. «Тесты Сильвер обеспечивают безопасное для клиента самораскрытие, поскольку он не осознает связи между характерной для него проблематикой и создаваемыми им рисунками. Использование данных тестов может облегчить включение клиента в изобразительную деятельность, когда он, например, не может выбрать тему для рисунка или не знает, с чего начать работу — клиенту легче начать рисовать, когда в его распоряжении есть «готовые картинки»» [22, с. 104]. По результатам выполненной методики мы проанализировали с Мовсаром возможные последствия его действий, конгруэнтность полученных данных с его установками и паттернами поведения, а также проиллюстрировали необходимость поиска иных способов и моделей конструктивного поведения [22].

В результате этой работы было представлено деструктивное взаимодействие между основными действующими лицами (отцом и сыном) как индикатор депрессивного расстройства последнего. В рисунке преобладала негативная тематика – находящийся в смертельной опасности персонаж (насекомое, с которым идентифицируется автор) испытывает страх, боязнь и смертельную опасность. Подпись под рисунком: «Естественный отбор. Выживает сильнейший».

Рис. 1. Рисунок Мовсара. Тест Р. Сильвер «Нарисуй историю»

Pic. 1. The Figure of Movsar. Test R. Silver «Draw a story»

Рисунок Мовсара позволил оценить эмоциональное состояние молодого человека по Шкале эмоционального содержания и Шкале оценки образа «Я». По первой шкале в связи с выраженным отрицательным психологическим содержанием работа оценена в 1 балл; испытуемый идентифицируется со слабым, беспомощным, одиноким, находящимся в смертельной опасности персонажем. Оценка по Шкале образа «Я» – 1 балл.

Анализ содержания этой техники позволил понять, что у Мовсара симптомы невротической депрессии (дистимии). Субсиндромальная депрессия носила психогенный характер и, вероятнее всего, являлась следствием пережитого им в «прошлом или переживаемого в настоящем насилия, недостаточной социальной поддержки и других обстоятельств» [22, с. 104].

На очередных сессиях в контексте арт-терапевтической работы с Мовсаром одной из самых целесообразных техник работы была техника составления коллажа. Суть ее заключалась в том, чтобы на бумажную основу приклеить картинки, фотографии, афоризмы, цитаты под темой «Автопортрет «Я» – сегодня». При выполнении этой методики у Мовсара были выявлены

подавленные чувства и эмоции, а также еще ряд проблем, оставшихся нераскрытыми в диагностической беседе.

Преимущество этой техники заключалось в том, что Мовсар свободно выражал свои мысли, переживания, идеи, свое видение и понимание темы (собственные планы, цели, мечты, отношение к себе и др.). Работа с коллажем позволила выявить творческие способности клиента, повысить его самооценку, получить чувство удовлетворения. В данном случае коллаж стал редким возможным способом для выражения своих сильных переживаний и чувств и в то же время безопасным средством избавления от колоссальной негативной энергии, накопившейся у молодого человека за долгие годы общения и взаимодействия с отцом. Данная техника помогла Мовсару осознать свои паттерны поведения, свои ролевые установки, стереотипы и диспозиции.

Рис. 2. Коллаж, выполненный Мовсаром. «Автопортрет «Я» – сегодня»

Рис. 2. Collage made by Movsar. "Self-portrait" I " - today"

Выполняя коллаж «Автопортрет «Я» – сегодня», Мовсар в части «Мои мысли» поместил фотографии девушек с фразами: «Найти свой путь» и «Новые идеи». В области сердца приклеил две полоски - «Нидерланды» и «Франция». В качестве своих потребностей (Чего я хочу?) отметил «Идеальную семью», «Жить по-настоящему», а свою жизненную опору составил так: «Мы

должны стать другими», «Нельзя давить на жалость, только позитивный поворот может обеспечить помощь».

Для Мовсара часы терапии были «как маленькие островки, чтобы подзарядиться» [15, с. 139].

На следующей сессии Мовсар выглядел более свободным, раскованным и менее тревожным. Я предложила ему обсудить те вопросы, которые он обозначил на предыдущих встречах, надеясь на то, что он уже сможет на них ответить. Я не стала озвучивать свои мысли и чувства, из-за боязни помешать молодому человеку укрепить чувство независимости и свободы. Мовсар постепенно избавлялся от робости, боязни и бессонницы. Несмотря на то, что фрагменты горьких детских воспоминаний сохранялись, но они появлялись значительно реже в памяти юноши.

С каждым разом у Мовсара восприятие самого себя и своей надежды было больше. Он впервые за долгое время приобрел чувство веры в себя. К сожалению, у молодого человека не было возможности пройти групповую терапию. «Групповая поддержка является очень важным фактором психологической стабилизации жертв ... насилия, она позволяет им избавиться от своей ужасной «тайны» и сформировать доверие к межличностным контактам» [23, р. 54.] «Знакомство с опытом других людей из группы помогает жертвам насилия осознать имеющиеся у них копинг-стратегии. При этом участники группы совместно приходят к ощущению внутренней силы» [24].

«Дж. Херман подчеркивает, что, хотя исцеление от психической травмы не бывает полным и окончательным, важным достижением психотерапии является уже то, что клиенты возвращаются к задачам повседневной жизни и перестают фиксироваться на психотравмирующих обстоятельствах прошлого. Их отношения перестраиваются и приобретают новый смысл, а будущее становится важнее, чем прошлое» [24, с. 93].

Результат работы был положительным. Клиент оставил хороший отзыв на сайте нашего Центра². На момент написания статьи Мовсар благополучно работает в красной зоне системы здравоохранения и готовится к профессиональной психологической деятельности. Курс занятий длиной в месяц вместе с ведением дневника эмоций позволил снизить тревогу психологической травмы и боли и восстановить работоспособность в полной мере. К нему

² АНО «Центр психологической помощи и психологической посткризисной реабилитации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ingpsycenter.ru/> (дата обращения: 10.03.2020).

пришло осознание важности детско-отцовских отношений, проработки негативного детского опыта, а также наличия прямых и косвенных связей между хронической травмой, имевшей место в детско-отцовском взаимодействии, соматическим здоровьем и личной успешностью.

Консультирование в этнокультурном контексте клиента

В традиционной ингушской культуре роль отца в жизни мальчика особенно велика. «...Культурное подкрепление слишком мощно» [25, с. 162]. В связи с этим обратимся к анализу этнокультурных ресурсов, которые были задействованы в ходе консультирования Мовсара.

С момента установления контакта, а особенно на второй стадии консультирования во время сбора информации о контексте проблемы, психолог изучал, из каких пазлов сложен внутренний мир Мовсара и какими модальностями этого мира он владеет. Молодой человек позиционировал себя как мусульманин с соответствующей ему включенностью в религиозную практику. Поэтому для меня было очевидно, что оказание психологической помощи должно учитывать религиозное мировоззрение клиента.

На очередной стадии работы, которая обозначается в психологической практике как желаемый результат, клиент сообщил, что свою проблему хотел бы решить в соответствии с канонами ингушской культуры. В связи с этим мы опирались на ценности его собственной культуры, которые впоследствии стали для него внутренним ресурсом. Чем больше мы говорили об особенностях этнической культуры, тем выше была самооценка Мовсара, тем увереннее и свободнее он становился.

Мовсар не отрицал своё этническое происхождение, историю рода, семью или отдельных её персонажей, а тем более родителей. Ингушская традиционная культура отвергает любые проявления дискриминации и насилия в семейной системе. Огромный терапевтический потенциал содержал тот этнографический материал, который был предоставлен и обсужден с клиентом. Чем больше мы погружались в плоскость культурного и духовного наследия ингушей, тем эффективнее была наша совместная работа. Этнокультурные ресурсы детско-отцовских отношений давали Мовсару колоссальную защиту, поддержку, опору, силу своего ингушского народа, общины, предков, малой родины, Ингушетии.

В патриархальном ингушском обществе отец – это горы, солнечный свет, почва, ориентир в жизни, опора, крепкие руки, которые не позволят ребенку споткнуться и упасть. А ещё отец – это статус, социальное положение, фундамент, на котором держится семья, фигура, обеспечивающая ребенку связь поколений [26]. «Отец в данном случае превыше всяких дискуссий!» [27, с. 198].

В ингушских пословицах и поговорках четко обозначена роль отца. Так, в народе говорят: *Даъ хъехамашка ладийгIар атта гIалата варгвац* (инг.) – Кто прислушивается к советам отца, тот редко ошибается. *Даъй сий дечо ший сий хъалдоаккх* (инг.) – Кто чтит предков, тот возвышает свою честь. И наоборот, велико значение сына в жизни отца: *ВоI воаца да пхъегIий тIа гIийла лаьттав* (инг.) – Мужчина, не имеющий наследника, понуро стоял при народе. *ВоI воацачун тхов хиннаба* (инг.) – Нет сына – нет крыши над головой. *ВоI воаца да – бухъ бийна хи, бухъ бийна хи божабе атта да* (инг.) – Отец без потомка – надломившееся дерево, надломившееся дерево свалить просто.

Если обратиться к этнографическим исследованиям, то становится понятно, что мужской части семьи в укладе ингушей отводилось важное место: «С 6–7 лет мальчик помогал отцу запрягать и седлать лошадь, снимать с нее седло, поить и т.д. В десятилетнем возрасте мальчикам доверяли самостоятельно пасти скот села, ...но только не в ночное время. В воспитании мальчиков усиливался акцент на физическую подготовку, главное внимание уделялось наездническому искусству, джигитовке...» [28, с. 13]. В достаточно раннем возрасте происходил «переход воспитания мальчиков к мужчинам, отцу и старшим братьям» [28, с. 13].

Подобный переход выражался «...не только в отрыве от женщин, от девочек, но, главным образом, во вживании в новую, суровую и мужественную сферу жизни, связанную со скотоводством, приобщением к мужскому обществу» [28, с. 15]. Особенно активно мальчики начинали вовлекаться в жизнь семьи в возрасте 12–15 лет. С этого возраста они выполняли целый ряд работ – «...скородили землю, помогали при возке леса, хлеба и при уборке зерна, летом и осенью присматривали за птицей, стерегли огороды» [28, с. 15].

По достижении 16 лет обязанностей у мальчиков прибавлялось, они впервые наравне со взрослыми косили сено, становились к плугу. При этом «...физическая боль и страдание не должны были вызывать у мальчиков стона или жалобы» [28, с. 15]. Такое полное вовлечение подростков в хозяйст-

венную и общественную жизнь было бы невозможно без влияния и участия отца, для которого конечной целью воспитания была выработка у сына мужского благородства [28].

«Уже ребенком мальчика учили верховой езде и поощряли в нем любовь к физическим играм и состязаниям, а для подростка обязательной составной частью воспитания были джигитовка, обращение с холодным оружием и стрельба в цель. ... на охоте его учили ориентироваться на местности, делать дальние переходы и устраивать засады, переносить трудности и лишения. Подросток нередко уже имел коня и оружие, как правило, участвовал в конноспортивных состязаниях, а бывало, что и в вооруженных столкновениях» [29, с. 33]. Таким образом усваивались гендерные образцы поведения.

Кроме моделей семейных взаимоотношений между представителями разных возрастных групп, подросток должен был знать и соблюдать кодекс поведения в социуме. Любой взрослый односельчанин мог попросить его оказать помощь, и ему надо было проявить свою отзывчивость и благовоспитанность. С малых лет мальчик видел и слышал от близких людей, что нельзя со старшим заговорить первым, обгонять его и переходить ему дорогу. «Идти или ехать верхом надо, слегка приотстав от взрослого, а при встрече с ним полагается спешиться и пропустить его стоя. Двоим подросткам, идущим или едущим со взрослым, положено располагаться так, чтобы старший был справа, а младший слева от взрослого» [29, с. 41].

В воспитании ребенка принимали участие не только семья, род, хотя они были агентами первичной социализации, но и общество в целом. Если ребенок совершал проступок, то санкции могли поступить от любого взрослого жителя селения или же информацию доводили до родителей. Поскольку дети росли и развивались не только в пределах двора и улицы, но и в социуме, и на массовых мероприятиях, социальное мнение в воспитании и обучении подрастающего поколения было предельно значимым. Семья и семейный быт находились под неофициальным контролем широкого круга родственников и общества в целом [30].

«На детей старались воздействовать не столько угрозами и наказаниями, сколько уговорами, урезониванием и прежде всего добрым примером. К обычным детским проступкам относились снисходительно. Если ребенок шалил, мать или бабка останавливали его шлепком или окриком. В более серьезных случаях вмешивался отец или дед. Дед, согласно традиции, избегал

физического наказания внука. Его воздействие ограничивалось порицанием. Наказывал обычно отец, который мог лишить виновного ожидаемой обновки или права садиться на лошадь. Провинившегося могли послать вне очереди пасти скот. Несравненно реже применялись телесные наказания. ...их отцы, если им случалось к этому прибегнуть, просили никогда больше не доводить их до такой крайности и предпочитали ничего не говорить односельчанам. Объясняли это так: если человеку приходится бить своего ребенка, значит, он не сумел его воспитать, а стало быть, должно быть стыдно не столько ребенку, сколько отцу самому» [29, с. 41–42].

Основными методами воспитания у ингушей были методы убеждения, внушения, личный пример. Одним из социальных институтов, который был доступен для ресурсных людей, был институт аталычества: родители, имеющие связи с лучшими представителями кавказских народов, могли отдать своего ребенка, обычно мальчика, на воспитание кабардинцам и кумыкам. Так, ингушский революционер Иналук Мальсагов воспитывался в русской семье, просветитель Гапур Ахриев и его братья получили образование и воспитание в семье русского врача К.В. Борисевича. Аталыки формировали у ингушских детей нравственные и духовные ценности, широкий взгляд на мир и на людей, великодушные и мудрость [30].

Для того чтобы рассказать, как воспитывали силу воли у мальчиков в ингушской среде, обратимся к нарративу:

«Однажды при дедушке я сказал о том, что проголодался, – рассказывает педагог, писатель, общественный деятель Исса Кодзоев. – Дед так сильно поругал меня, чуть не убил. «Раб, плебей! *Дала дIавакха хьо, гийга века саг!* (инг.) – Пропади ты пропадом, ненасытный! Ты никогда не станешь человеком! Даже если семь дней и семь ночей тебя не кормят, ты должен терпеть. Женщины накроют стол, веди себя достойно и никогда не проси еды. Они сами знают, когда тебя позвать к столу!». Так воспитывали ингуши у мальчика силу воли, силу духа, чувство собственного достоинства. Ты не просишь... Ты ждешь, когда тебя позовут... Далее Исса Аюпович отметил, что за свою жизнь его дед ни разу не прикоснулся к плите – ни случайно, ни преднамеренно³.

³ Записано со слов Исы Кодзоева психологом АНО «ЦППиППР» Мадиной Торшхоевой. Исса Кодзоев – известный ингушский писатель, поэт, драматург, педагог, политический и общественный деятель.

Свои чувства к детям при людях отец не демонстрировал, не ласкал их, не обнимал. Не принято повышать голос на дочь, необходимо вести себя с ней очень корректно и сдержанно. *Чувхацаеш безамца кхееш хиннай йиIиг, наьха цIагIа чужьхача цун оамал кIаьда а Iимерза а хургйолаш* (инг.) – Девочку воспитывали в атмосфере любви и заботы, чтобы она при исполнении ролей – жены, снохи, матери – была эмоционально устойчивой, способной на экологичные отношения). На сына отец мог прикрикнуть. С каким благоговением Иса Аюпович вспоминал признания своего ученика о педагогической значимости отцовского гнева: *«Сов эгIазваха товнаш мо доагаш дола даь бIаргаш цIа бIарга ца дайначох саг хургвац хьона!»* (инг.) – Не мужчина тот, кто не видел огненной ярости в глазах собственного отца!

(По другой версии «Не мужчина тот, кто не видел в глазах отца огня горькой досады и глубокого чувства сожаления по поводу личного упущения в воспитании сына»).

В традиционном ингушском обществе социальный статус мужчины зависит от образцового выполнения семейных, в том числе отцовских обязанностей, но и отцовство, в свою очередь, влияет на рейтинг мужчины, когда наличие семьи – индикатор его финансовой и социальной зрелости.

Пьющий и курящий человек в народе считался и считается слабым, безвольным, бесхребетным, беспринципным. Мне рассказывал один информант со слов своего отца о том, как делегация старейшин еще в бывшей Чечено-Ингушетии поехала решать вопрос, связанный с похищением девушки, к ее отцу. Увидев с сигаретой в зубах главу семьи (отца девушки), возглавивший делегацию мужчина сказал: «Считайте, что ползадачи мы решили!». Курить – недостаток воли, а значит отсутствие четкой позиции, твердого слова. А пьяный человек, согласно этнографическим материалам, воспринимается хуже слабоумного: *«ЭгIаваьча сага никъ биттаб маннача сага»* (инг.) – Дурак уступил дорогу пьяному.

Лучшие традиции семейного уклада современная ингушская семья сохранила и в настоящее время: роль отца в воспитании сына по-прежнему занимает доминирующее положение. Только рядом с отцом ребенок впервые познает границы дозволенного и недозволенного – свои собственные и других людей. Рядом с отцом ребенок чувствует не только действие закона, но и его силу. С матерью отношения строятся по принципу отсутствия границ – полное слияние. Именно в мужском потоке формируются достоинство, честь,

воля, целеустремленность, ответственность – во все времена высоко ценимые человеческие качества. Только отец может привить мальчику множество бытовых и социальных навыков: завязывать галстук и бриться, владеть сложными инструментами и рыбачить, ремонтировать машину и любить спорт, побеждать и держать слово...

Завершая этнокультурную часть этой истории, хочется отметить, что в своей этнической среде Мовсар не подвергался бы таким испытаниям. Историческая родина, этнокультурное наследие, родовое гнездо (прародители, дяди, тети, двоюродные братья и сестры), духовенство (муфтий, имам, кадий) обеспечили бы ему защиту и безопасность и выступили бы в качестве сдерживающего фактора для его деспотичного отца.

В основе любых и даже абьюзных токсичных детско-родительских отношений лежат две веры: родители должны любить своих детей, а дети должны любить, уважать своих родителей и заботиться о них.

Консультирование в духовном контексте клиента

Сформировать новую парадигму жизни молодого человека в результате терапевтической работы невозможно было без учета его духовной составляющей. «Религиозная жажда слишком сильна, ее корни слишком глубоки...» [25, с. 162]. Поэтому в процессе терапии делался упор на религиозность и веру клиента.

Ислам всячески побуждает и поощряет любовь и нежность родителей к детям. Если ребенок не получил достаточного количества объятий, то индекс доверия и любви к миру у него будет ниже, чем у его сверстников. Когда аль-Акра ибн Хабис увидел, как Пророк (мир ему и благословение) целует своего внука, он похвастался, что никогда не поцеловал никого из своих десятирех детей, на что Пророк сказал: «Что я могу тебе предложить, если Аллах удалил милосердие из твоего сердца?» (Бухари, № 5998).

Большинство из нас думает, что, наказывая ребенка, они проявляют заботу о нем, однако не понимают, насколько большую ответственность перед Аллахом это накладывает на нас. Мы считаем ребенка своим и полагаем, что бить его — наше неотъемлемое право. Невозможность навредить ребенку даже легким касанием дает нам урок веры в Единого Бога: «Я – не хозяин ребенка!».

С точки зрения ислама, мужчина обязан уметь сдерживать свои эмоции и обуздывать свое эго. Аллах доверил ему руководство семьей ради ее блага, а не ради удовлетворения собственных интересов. Никогда нельзя забывать слова Пророка: «Если потратим один динар на пути Аллаха, один динар для освобождения раба, один динар как милостыню (садака) для бедняка и один динар для своей семьи, то наибольшее вознаграждение мы получим за динар, потраченный на свою семью» (Муслим, № 995).

Даже если отец был несправедлив к своим детям, самое лучшее, с точки зрения ислама, – это простить его и делать дуа (возносить молитвы) о его прощении Всевышним. Способность прощать связана с индексом религиозности личности. «Психотерапия прощения» не предполагает в том числе работу с жестоким обращением и психологическим насилием, потому что «простив обидчика, человек может внутренне разрешить себе подобное обращение в будущем» [31]. Поэтому в ходе терапевтических сессий юноша проработал травму отношений с отцом, и в результате этой работы захотел простить своего отца.

Активизировать основные ментальные навыки клиента, повысить комплаентность и благополучие молодого человека, эффективно пройти лечение без сопротивления и выраженной тревоги позволила ставшая бестселлером и переведённая на многие языки мира книга Аида аль-Карни «Не грусти! Рецепты счастья и лекарство от грусти» [32].

Заключение

В настоящее время в северокавказском регионе, как и во всем мире в целом, наблюдается взаимодействие традиционности и модернизации. Кавказу присущи противоречия между современным и традиционным образами жизни. Однако в некоторых сферах жизни здесь не только не отрицаются, но еще больше подчеркиваются традиции и отмечается их значимость; религиозный компонент социокультурного пространства, безусловно, не переживает кризис, его роль и значение возрастают с каждым годом; коллективные формы идентичности не только не разрушаются, но и укрепляются. Традиционные общественные институты не только не разрушаются, но, наоборот, еще больше локализуются. Реальная угроза утраты национально-культурных особенностей подтолкнула народы Северного Кавказа к тому, что они с еще большей

одержимостью стали презентовать свою уникальность, самобытность, неповторимость и связь со своей многовековой историей.

На примере разбора конкретного кейса из практики психологического консультирования в Республике Ингушетия нами продемонстрирована положительная динамика психологической работы, базирующейся на традиционной ингушской культуре и ценностях ислама.

Ввиду отсутствия работ по данной тематике наш проект носит характер пилотного: предполагается сбор первоначального материала, проверка выдвинутой гипотезы и определение проблем для дальнейших исследований.

Литература

1. Сампиев И.М. Модель модернизации Кавказа: системные условия и цель. *Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник научных статей*. Назрань: ООО КЕП; 2011. С. 14–21.
2. Аксюмов Б.В. Северный Кавказ: между традиционализмом и модернизмом. *Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник научных статей*. Назрань: ООО КЕП; 2011. С. 35–42.
3. Ерасов Б.С. *Цивилизации: универсалии и самобытность*. М.: Наука; 2002. 524 с.
4. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Пер. с англ. Велимеева Т., Новикова Ю. М.: ООО «Издательство АСТ»; 2003. 603 с.
5. Ганиева Р.Х. Мультикультурный подход в психологическом консультировании: этнорегиональный аспект (разбор случая). *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(1):196–216. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-196-216
6. Perlman L.A., Saakvitne K.W. *Trauma and the therapist. Countertransference and Vicarious Traumatization in Psychotherapy with Incest Survivors*. New York: W.W. Norton & Company; 1995. 451 p.
7. Summit R.C. The child sexual abuse accommodation syndrome. *Child Abuse and Neglect*. 1983;7:177–193.
8. Herman J.L. *Trauma and recovery*. New York: Basic Books; 1992. 295 p.
9. Борисенко Ю.В. *Психология отцовства*. Москва-Обнинск: «ИГ-СО-ЦИН»; 2007. 220 с.
10. Angelou M. *I know why the caged bird sings*. New York: Virago; 1983. 317 p.
11. Armstrong A. *Kiss daddy goodnight*. New York: Pocket Books; 1978. 256 p.
12. Evert K., Bijkerk I. *When you're ready*. Rockville, MD: Launch Press; 1987. 194 p.
13. O'Callaghan G. *A day called hope*. London: Hodder&Stoughton; 2003. 288 p.
14. Spring J. *Cry hard and swim*. London: Virago; 1987. 128 p.

15. Бриш К.Х. *Терапия нарушений привязанности: от теории к практике*. Пер. с нем. Дубинской С.И. М.: Когито-Центр; 2014. 316 с.
16. Ананьева Г.А. Семья: химическая зависимость и созависимость. Работа с созависимостью. *Методические материалы к семинару «Семья и профилактика наркомании»*. Казань: Отечество; 2000. С. 5–12.
17. Silver R. *Stimulus drawings and techniques in therapy, development and assessment*. New York: Trillium; 1982. 267 p.
18. Silver R. Identifying gifted handicapped children through their drawings. *Journal of the American Art Therapy Association*. 1983a;1(10):40–46.
19. Silver R. *Silver Drawing Test of Cognition and Emotion*. Seattle, WA: Special Child; 1983b. 290 p.
20. Silver R. Screening Children and Adolescents for Depression Through Drawing a Story. *American Journal of Art Therapy*. 1988a;26(4):156–162.
21. Silver R. *Three Art Assessments*. New York: Brunner-Routledge; 2002. 420 p.
22. Копытин А.И., Свистовская Е.Е. *Арт-терапия детей и подростков*. 2-е изд. М.: Когито-Центр; 2010. 197 с.
23. Hall L., Lloyd S. *Surviving child sexual abuse*. London: Falmer Press; 1989. 416 p.
24. *Арт-терапия женских проблем*. Под редакцией Копытина А.И. М.: Когито-Центр; 2010. 270 с.
25. Ялом И.Д. *Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы*. Пер с англ. Фенько А.Б. М., 2012. 288 с.
26. Barth S. *Vaterschaft im Wandel*. Sozialmagazin; 2000. 310 p.
27. Юнг К., Фрейд З., Абрахам К. Значение отца в судьбе отдельного человека. *Психоанализ детской сексуальности*. Пер с нем. Под ред. Лукова В.А. СПб.: Союз; 1997. С. 185–206.
28. Агиева Л.Т. *Этнография ингушей*. Майкоп: Полиграф-ЮГ; 2011. 552 с.
29. Харсиев Б.М.-Г. *Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца 19 до середины 20 века*. Магас: ООО «Пилигрим»; 2015. 148 с.
30. Кудусова-Долакова Ф.И. *Семья и семейный быт ингушей (конец 19 – начало 20 в.)*. Ростов-н/Д., 2005. 240 с.
31. Павлова О.С., Алгушаева В.Р., Верченнова Е.А., Хайбуллин И.Н., Ерофеев В.А. Исламская психология: от теории и исследований к практике. Опыт участия в международной образовательной программе в Индонезии. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(2):476–498. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-2-476-498
32. Аид аль-Карни. *Не грусти! Рецепты счастья и лекарство от грусти*. Пер. с араб. Сорокоумовой Е. М.: Умма; 2013. 320 с.

References

1. Sampiev I.M. Model modernizatsii Kavkaza: sistemnye usloviya i tsel' [Model of modernization of the Caucasus: system conditions and purpose]. *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza. Sbornik nauchnykh statei* [Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus. Collection of scientific articles]. Nazran: OOO KEP; 2011, pp.14–21. (In Russian)
2. Aksyumov B.V. Severnyy Kavkaz: mezhdru traditsionalizmom i modernizmom [North Caucasus: between traditionalism and modernism]. *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza. Sbornik nauchnykh statei* [Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus. Collection of scientific articles]. Nazran: OOO KEP; 2011, pp. 35–42. (In Russian).
3. Yerasov B.S. *Tsivilizatsii: universalii i samobytnost* [Civilizations: universality and identity]. Moscow: Nauka; 2002. 524 p. (In Russian)
4. Samuel P. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Huntington Clash of civilizations]. Velimeeva T., Novikova Yu. (tr.). Moscow: AST Publ.; 2003. 603 p. (In Russian)
5. Ganieva R.H. Multikulturnyi podhod v psihologicheskom konsultirovanii [Multicultural approach in psychological counseling: ethno-religious aspect (analysis of the case)]. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(1):196–216. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-196-216 (In Russian)
6. Perlman L.A., Saakvitne K.W. *Trauma and the therapist. Countertransference and Vicarious Traumatization in Psychotherapy with Incest Survivors*. New York: W.W. Norton & Company; 1995. 451 p.
7. Summit R.C. The child sexual abuse accommodation syndrome. *Child Abuse and Neglect*. 1983;7:177–193.
8. Herman J.L. *Trauma and recovery*. New York: Basic Books; 1992. 295 p.
9. Borisenko Yu.V. *Psihologiya ottovstva* [Psychology of fatherhood]. Moscow – Obninsk: "IG – . SOCIN"; 2007. 220 p. (In Russian)
10. Angelou M. *I know why the caged bird sings*. New York: Virago; 1983. 317 p.
11. Armstrong A. *Kiss daddy goodnight*. New York: Pocket Books; 1978. 256 p.
12. Evert K., Bijkerk I. *When you're ready*. Rockville, MD: Launch Press; 1987. 194 p.
13. O'Callaghan G. *A day called hope*. London: Hodder&Stoughton; 2003. 288 p.
14. Spring J. *Cry hard and swim*. London: Virago; 1987. 128 p.
15. Brish K.H. *Terapiya narusheniy privyazannosti: ot teorii k praktike* [Therapy of disorders of attachment: from theory to practice]. Dubinskaya S.I. (tr.) Moscow: Kogito-tsentr; 2014. 316 p. (In Russian)
16. Ananyeva G.A. *Sem'ya: khimicheskaya zavisimost' i sozavisimost'*. *Rabota s zavisimost'yu* [Family: chemical dependence and codependency. Working with co-

dependency]. Metodicheskie materialy k seminaru “Sem’ya i profilaktika narkomanii” [Methodological materials for the seminar “Family and drug abuse prevention”]. Kazan: Otechestvo; 2000, pp. 5–12. (In Russian)

17. Silver R. *Stimulus drawings and techniques in therapy, development and assessment*. New York: Trillium; 1982. 267 p.

18. Silver R. Identifying gifted handicapped children through their drawings. *Journal of the American Art Therapy Association*. 1983a;1(10):40–46.

19. Silver R. *Silver Drawing Test of Cognition and Emotion*. Seattle, WA: Special Child; 1983b. 290 p.

20. Silver R. Screening Children and Adolescents for Depression Through Drawing a Story. *American Journal of Art Therapy*. 1988a;26(4):156–162.

21. Silver R. *Three Art Assessments*. New York: Brunner-Routledge; 2002. 420 p.

22. Kopytin A.I., Svistovskaya E.E. *Art-terapiia detey i podrostkov* [Art therapy of children and adolescents]. Second edition. Moscow: Kogito-tsentr; 2010. 197 p. (In Russian)

23. Hall L., Lloyd S. *Surviving child sexual abuse*. London: Falmer Press; 1989. 416 p.

24. *Art-terapiia zhenskikh problem* [Art therapy of women’s problems]. Kopytin A.I. (ed.). Moscow: Kogito- tsentr; 2010. 270 p. (In Russian)

25. Yalom I.D. *Lechenie ot liubvi i drugie psihoterapevticheskie novelly* [Treatment for love and other psychotherapeutic novels]. Fenko A.B. (tr.). Moscow, 2012. 288 p. (In Russian)

26. Barth S. *Vaterschaft im Wandel*. Sozialmagazin; 2000. 310 p.

27. Jung K., Freud Z., Abraham K. Znachenie ottsa v sud’be otchel’nogo cheloveka [The importance of father in an individual’s fate]. *Psikhoanaliz detskoy seksual’nosti* [Psychoanalysis of infantile sexuality]. Translation from German. Lukov V.A. (ed.). St. Petersburg: Soyuz; 1997, pp. 185–206. (In Russian)

28. Agieva L.T. *Etnografiya ingushey* [Ethnography of Ingush people]. Maikop: Poligraf-YUG; 2011. 552 p. (In Russian)

29. Harsiev B.M.-G. *Obychai sem’i i semeynogo byta gortsev Kavkaza s kontsa 19 do serediny 20 veka* [Customs of the family and family life of the Caucasus mountaineers from the end of the 19th to the middle of the 20th century]. Magas: Pilgrim LLC; 2015. 148 p. (In Russian)

30. Kudusova-Dolakova F.I. *Sem’ya i semeynyy byt ingushey (konets 19-nachalo 20 veka)* [Family and family life of the Ingush (late 19th early 20th century)]. Rostov-on-Don, 2005. 240 p. (In Russian)

31. Pavlova O.S., Algushaeva V.R., Verchenova E.A., Khaybullin I.N., Erofeev V.A. *Islamskaya psikhologiya: ot teorii i issledovaniy k praktike. Opyt uchastiya v*

mezhdunarodnoy obrazovatel'noy programme v Indonezii [Islamic psychology: from theory and research to practice. Experience of participation in an international educational program in Indonesia]. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(2):476-498. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-2-476-498 (In Russian)

32. Haid al-Karni. *Ne grusti! Retsepty schastia i lekarstvo ot grusti* [Don't be sad! Recipes for happiness and a cure for sadness]. Sorokoumova E. (tr.). Moscow: Ummah; 2013. 320 p. (In Russian)

Информация об авторе

Ганиева Роза Хаматхановна, кандидат психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, старший научный сотрудник отдела ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского института им. Ч. Ахриева, директор Центра психологической помощи и психологической посткризисной реабилитации, член Ассоциации психологической помощи мусульманам, г. Магас, Российская Федерация.

About the author

Rosa H. Ganieva, Cand. Sci. (Psychology), Full Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Ingushetia, Senior Researcher at the Department of Ethnology in Ingush research institute of Humanities named after Ch. Ahriev, Director of the Center for Psychological Assistance and Psychological Post-crisis rehabilitation, Member of the Association of Psychological Assistance to Muslims, Magas, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 апреля 2020
Одобрена рецензентами: 28 июня 2020
Принята к публикации: 18 июля 2020

Article info

Received: April 12, 2020
Reviewed: June 28, 2020
Accepted: July 18, 2020